

С О О Б Щ Е Н И Я

И. С. ГУРВИЧ

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЕЗДКА В КОРЯКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОКРУГ

По заданию Сектора народов Крайнего Севера Института этнографии АН СССР автором настоящего сообщения было проведено этнографическое обследование Корякского национального округа Камчатской области с целью изучения особенностей хозяйства, быта и культуры коренного населения в настоящее время. Работа проводилась в течение пяти месяцев — с 15 октября 1956 по 15 марта 1957 года.

Маршрут был составлен таким образом, чтобы иметь возможность познакомиться с основными этническими группами Корякского национального округа: Пенжинский район — Олюторский район — некоторые пункты Карагинского района — Тигильский район. Передвижение из поселка в поселок производилось в основном на собаках (1040 км), кое-где — на оленях (180 км), вдоль побережья — на катерах (120 км), из района в район — на самолетах. Подробный маршрут показан на карте (рис. 1.)

В настоящее время основная масса коряков сосредоточена в Пенжинском, Тигильском и Олюторском районах Корякского национального округа. Поселения береговых коряков по восточному побережью тянутся от с. Пахаши на севере до Укинской губы на юге, по западному побережью от Усть-Парени до Воямпольки.

Коряки-оленьеводы на севере подходят к границам Чукотского национального округа. Самая южная группа коряков-оленьеводов живет в Соболевском районе Камчатской области. Группа коряков живет за пределами Камчатки в Северо-Эвенском районе Магаданской области¹.

В этнографической литературе, посвященной корякам, неоднократно отмечалось, что коряки делятся на береговых — оседлых рыболовов и охотников на морского зверя и кочевых — оленьеводов. Однако в пределах этих больших подразделений корякского народа в прошлом существовали отдельные локальные группы, отличавшиеся друг от друга не только диалектными особенностями, но и уровнем культурного и хозяйственного развития.

Тигильские береговые коряки (поселки Воямполька, Кахтана, Палана, Кинкиль, Лесная) еще в прошлом веке испытали сильное культурное влияние русских. В Палане была церковь и церковно-приходская школа для коряков. Коряки здесь жили в срубных избах; имелись бани. Уже в XIX в. отдельные семьи тигильских береговых коряков занимались не только рыболовством, охотой на морского зверя, но и разводили коров и лошадей. В начале XX в. они стали заниматься также огородничеством.

Коряки Карагинского района (поселения Карага, Дранка, Ивашка, Кичига, Куюм) издавна соприкасались с камчадалами (русскими старожилыми) и роднились с ними. Это сказалось на образе жизни карагинцев. Землянки с входом через дымовое отверстие здесь вышли из употребления еще в начале XX в. Отдельные семьи коряков были двуязычны. Большинство карагинских коряков были крещены. В Дранке существовала церковь и церковно-приходская школа для коряков, в Караге — часовня. Близость карагинцев к русским старожилым облегчала в первые годы советской власти проведение среди них мероприятий по социалистическому строительству.

Накануне коллективизации особенно много архаических черт сохранялось в хозяйстве и быте пенжинских и олюторских коряков. С целью вовлечения этих групп коряков в социалистическое строительство, реконструкции их хозяйства и быта в низовьях р. Пенжины (с. Каменское) была создана культбаза.

¹ В связи с образованием Магаданской области, в 1954 г. из территориально-административного подчинения Пенжинского района были выделены территории Верхне-Пареньского, Верхне-Гижигинского, Гижигинского и Тайгоносского сельсоветов и переданы в Северо-Эвенский район Магаданской области.

Естественно, что социалистическое переустройство быта и хозяйства у оседлых коряков, особенно у тех групп, которые близко соприкасались с русской культурой, совершилось быстрее, чем у кочевых коряков-оленьеводов, живших распыленно в Пенжинском и Олюторском районах, у которых оно завершается в наши дни.

Современные коряки резко отличаются от тех коряков, которые были описаны в этнографической литературе начала XX в.² и даже 1920-х годов³. За советский период, на основе ленинской национальной политики, коряки вместе со всеми народами нашего Крайнего Севера достигли немалых успехов в своем экономическом и культурном развитии.

Наиболее значительные изменения произошли в хозяйстве и быте береговых оседлых коряков (нымылан). Как известно, еще в недавнем прошлом береговые коряки жили в небольших поселках, состоявших из землянок с входом через дымовое отверстие. Основными отраслями их хозяйства были речное рыболовство и охота на морского зверя. На промысел береговые коряки выезжали на байдарках, обшитых лахтакчиными шкурами; к лежбищам же подкрадывались на маленьких байдарках (мато). При охоте на морского зверя употребляли гарпуны со съемным железным наконечником, еще недавно, в конце XIX в., — с наконечником из рога и кости. Для транспорта использовали ездовых собак⁴.

В связи с развитием рыбной промышленности на Камчатке береговые коряки перешли от примитивного речного рыболовства к весьма доходному морскому промышленному лову рыбы. Моторно-рыболовецкие станции (МРС) обеспечивают корякские рыболовецкие артели кунгасами, катерами, мотодорками, ставными неводами, спецодеждой. Получив современную технику, коряки отказались от своих примитивных орудий лова. В настоящее время на всем восточном побережье коряками используется только одна байдарка, а на западном — пять, но в открытое море на них теперь коряки не выходят. Гарпуны, удочки, небольшие закидные сети, сачки-черпушки теперь используются только как личные, индивидуальные орудия лова.

Промышленное рыболовство стало ведущей отраслью хозяйства береговых коряков. В марте-апреле коряки начинают подготовку орудий лова к путине — ремонтируют и шьют ставные и кошельковые невода, в мае-июне ловят сельдь, в июле-августе — рыбу лососевых пород, зимой ловят подо льдом вентилями навагу и корюшку. Труд рыбаков высоко оплачивается. В колхозе «Ударник» Карагинского района средний заработок рыбака за путину в 1955 г. был без сверхплановых начислений 37 тыс. руб., в колхозе «Турвэн» этого же района — 23 тыс., в колхозе им. Ленина Олюторского района — 30 тыс. руб. На трудоустройство колхоз «Ударник» выдал 42 рубля деньгами.

Естественно, что все другие промыслы, в том числе и охота на морского зверя, отступили на второй план. В настоящее время корякские рыболовецкие артели весной и осенью выделяют небольшие звенья охотников (по два-три человека) для охоты на лахтакчи и нерп, главным образом на лежбищах, с целью обеспечить кормом ездовых собак и добыть шкуры на подошвы к зимней обуви.

В лахтакчиных шкурах, идущих на подошвы, на ремни и арканы, нуждаются и тундровые коряки-оленьеводы, но в связи с сокращением морского промысла они часто недополучают шкуры и жир морского зверя. Камчатский областной рыбпотребсоюз не налаживает регулярного обмена между береговыми колхозами и тундровыми совхозами и колхозами.

Одновременно с промышленным ловом рыбы на море колхозы выделяют небольшие бригады из членов семей рыбаков (женщин, подростков, стариков) для речного лова рыбы. Значительная часть вылавливаемой рыбы идет на юколу, часть рыбы солят, часть — квасят. Всю эту рыбу распределяют по трудовням. Колхозы, имеющие общественные упряжки собак, специально заготавливают для них рыбу.

Члены корякских рыболовецких артелей занимаются и охотой на соболей и лисиц. На охоту береговые коряки выезжают на собаках. На дальних участках охотники живут в палатке или землянке. Через каждые 10—15 дней охотник навещает семью, остающуюся в поселке, запасается продуктами, одеждой.

Охотники-коряки широко применяют капканы, но распространены и активные способы охоты. На соболя охотятся с сетью-обметом. Обнаружив след соболя, охотник начинает его преследовать; по лыжне за охотником обычно идет собака и тащит на лямке волоком обмет с колышками, уложенный в чехол. Устав, соболь залегает в кедраче; тогда охотник окружает его обметом и выгоняет в сеть.

С обметом охотятся и на лисицу, окружая им пространство вокруг выходов из лисьей норы и пуская туда собаку. Сам охотник ставит около сети палатку с печкой и сторожит лисицу, иногда пять-семь дней. Чтобы собака не упустила лисицу, сеть увешивают бубенчиками.

Некоторые рыболовецкие артели береговых коряков, в которые вошли отдельные группы коряков-оленьеводов, занимаются и оленеводством. Так, в укрупненном колхозе им. Сталина Пенжинского района объединены береговые коряки из селений Орночки,

² W. Jochelson, The Koryak. The Jesup North Pacific expedition, т. I—II, New York, 1905—1908.

³ Е. Орлова, Коряки полуострова Камчатки, «Северная Азия», 1929, кн. 3.

⁴ О коряках см. «Народы Сибири», М.—Л., 1957, стр. 950—977.

Микино, Шестаково, Лаваты и тундровые ассовеемские коряки-оленоводы. Коряки, входившие в прошлом в группу береговых, в этом колхозе занимаются рыболовством, морской и пушной охотой, работают в качестве плотников, столяров, животноводов, тогда как коряки, в прошлом кочевавшие в тундре, также заняты привычным делом — выпасом оленей и пушной охотой.

В колхозе «Пролетарий» Тигильского района объединились береговые оседлые коряки селений Палана, Кавран, тундровые эвены и тундровые коряки-оленоводы. Последние продолжают заниматься оленеводством и охотой, тогда как береговые коряки занимаются огородничеством, рыболовством, охотой и скотоводством.

Рис. 2. Поселок Манила — центр колхоза им. Сталина (Пенжинский р-н)

В Олюторском и Карагинском районах, в связи с развитием здесь рыбной промышленности, оленеводство является для корякских рыболовецких артелей второстепенной отраслью, и занимаются им лишь там, где население занималось оленеводством и в прошлом. Сравнительно крупную оленеводческую ферму (около трех тысяч голов) имеет лишь колхоз «Ударник», но из-за отсутствия удобных пастбищ олени этого колхоза выпасаются не на восточном берегу Камчатки, где расположен этот колхоз, а на западном.

Попытка внедрить оленеводство в хозяйство береговых усть-пареньских коряков (артель «Искра») не дала результатов, так как у них, потомственных зверобоев и рыбаков, оказалось недостаточно опыта и знаний. Артель ликвидировала приобретенных оленей.

Таким образом, исторически сложившиеся типы хозяйств — береговое (основное направление которого рыболовство и морской промысел) и тундровое (основное направление оленеводство) — сблизились, но не слились еще в единый комплекс. Оленеводческое хозяйство в тундре существует и независимо от рыболовецкого.

Большая часть коряков-оленоводо в настоящее время работает в совхозах: Корфском, Пенжинском, Окланском, Таловском. Оленеводческие колхозы — им. Кирова и им. Жданова — имеются и на юге Камчатки, в Тигильском районе.

Корякская оленеводческая техника после коллективизации претерпела значительные изменения. В крупных колхозах и совхозах в настоящее время созданы специализированные стада оленей, укомплектованные по половозрастным группам. Маршруты передвижений стад тщательно разрабатываются с соблюдением зоотехнических и ветеринарных правил. В некоторых колхозах Тигильского района применяются такие зоотехнические мероприятия, как солевая подкормка. В большинстве стад используется оленегонная пастушеская лайка, что в прошлом было не характерно для корякского оленеводства. Летом связь между стадами и центральным поселком поддерживается на лошадях. В некоторых стадах пастухи верхом на лошади объезжают стада.

Наряду с развитием традиционных отраслей хозяйства, отвечающих природным условиям Корякского округа, колхозы уже в 1930-х годах стали производить опыты

по внедрению огородничества и молочного животноводства⁵. Но в суровых климатических условиях Пенжинского и Олюторского районов эти отрасли оказались нерентабельными. Кроме того, сельскохозяйственные работы — огородничество и сенокосение — совпадают с путиной и летним выпасом оленей и отвлекают значительную часть трудоспособного населения от ведущих отраслей хозяйства. В связи с этим в настоящее время эти отрасли хозяйства в Пенжинском, Олюторском и Карагинском районах рассматриваются местными организациями как вспомогательные, нужные только для удовлетворения потребностей самих колхозников в овощах и молочных продуктах. Наоборот, в Тигильском районе, где климатические условия более благоприятны для занятий молочным скотоводством и огородничеством, колхозы лучше обеспечены рабочей силой и население имеет некоторый сельскохозяйственный опыт, эти отрасли хозяйства успешно развиваются, например, в корякских колхозах. Тигильского района (пос. Палана, Лесная, Кинкиль).

Рис. 3. В доме коряка Ивнако (Корфский оленеводческий совхоз Олюторского р-на)

Освоение края привлекло значительное количество русских переселенцев, большинство которых сосредоточилось на рыбных комбинатах и рыбных заводах. В связи со строительством рыбных и рыбоконсервных заводов в Карагинском, Тигильском и Олюторском районах возникли новые поселки. Так, на берегу Оссорской бухты вырос центр Карагинского района — Оссора, с 1600 жителей. В прошлом здесь выпасались олени и стояла одинокая летняя рыбацкая землянка. В крупные поселки превратились Усть-Харюзово и Корф; здесь размещены рыбные комбинаты. В настоящее время коряки составляют в Карагинском районе 13% населения, в Олюторском 14%, в Пенжинском 50%. Остальное население в Карагинском районе — русские, в Олюторском и Пенжинском районах — русские, эвены и чукчи.

В большинстве колхозов Карагинского и Олюторского районов совместно трудятся коряки и русские. Так, например, в колхозе «Ударник» (пос. Карага) числится 83 хозяйства, в том числе 49 корякских. Коряки составляют от 60 до 90% в колхозах Карагинского района — «Тумгутум», «Красная звезда», «10 лет национальных округов», остальные члены колхозов — русские. Таково же, примерно, соотношение коряков и русских в колхозах Олюторского района — им. Ленина, им. Горького.

В 1930-х годах произошли значительные перемещения коряков-оленьеводов. В связи с перемещением Карагинского оленеводческого совхоза из Олюторского рай-

⁵ М. А. Сергеев. Корякский национальный округ, Л., 1934, стр. 77—82

она в Тигильский, а затем в Пенжинский (ныне Окланский оленеводческий совхоз) коряки, занятые выпасом оленей в этом совхозе, переехали в Пенжинский район. Во время проведения землеустройства некоторые хозяйства коряков переселились из Пенжинского района в Олюторский и здесь вошли в местные колхозы, влившиеся впоследствии в Корфский оленеводческий совхоз.

Перемещение отдельных групп коряков, объединение в пределах укрупненных колхозов коряков береговых и кочевых привело к тому, что изолированные в прошлом

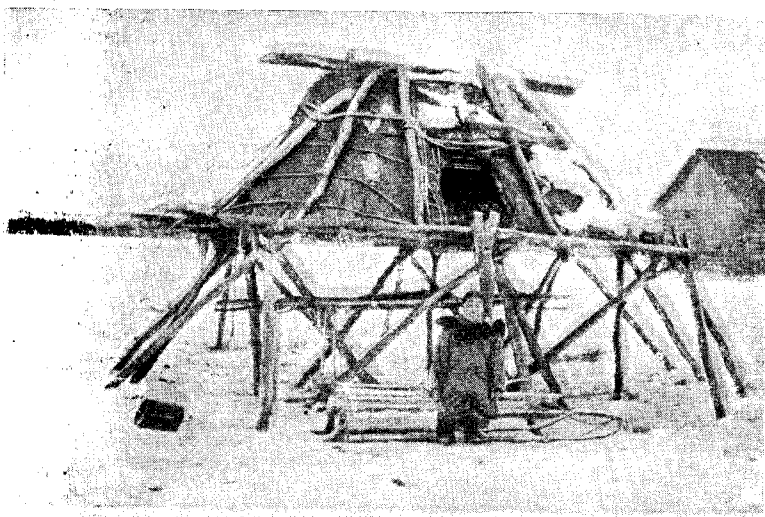

Рис. 4. Амбар-юкольник (пос. Белоголовое Тигильского р-на)

этнические группы коряков несколько сблизились между собой, хотя различия между ними еще дают себя знать. Так, в пределах укрупненного колхоза им. Сталина (Пенжинский район) браки между береговыми и тундровыми коряками — большая редкость. В этом колхозе 119 хозяйств, считая и одиночек, в том числе 54 хозяйства береговых коряков и 60 — оленеводов. Смешанных семей (хозяйств), образовавшихся в результате браков между оленными и береговыми коряками, между коряками и эвенками, коряками и русскими, всего пять. Чаще встречаются смешанные браки между коряками и эвенками, между коряками и русскими в совхозных, рыбозаводских и районных поселках.

Перелиси 1896 и 1926 гг. выявили существование у коряков большой семьи. В связи с изменениями в хозяйстве в настоящее время у коряков укрепилась обычная малая семья. Средний размер семьи у береговых коряков в колхозах им. Ленина и им. Горького, у коряков-оленьеводов (колхоз им. Жданова) — 4 человека.

Изменения в хозяйственной деятельности береговых коряков — падение роли морской охоты, сокращение речного рыболовства — привели к тому, что коряки из мелких поселков стянулись в крупные: Карага (колхоз «Ударник»), Манила (им. Сталина), Анапка («Тумгутум»), Кичига («Новая жизнь») и так далее.

Реконструкция поселков береговых коряков началась в 1930-х годах. В первые годы коллективизации пенжинские и олюторские коряки стали заменять свои землянки с входом через дымовое отверстие небольшими землянками с входом через боковую дверь, с небольшим окошком над ней. В новых землянках появились полы из плах, печи из железных бочек. Но и эти «новые» землянки скоро перестали удовлетворять возросшие культурные запросы населения. Началось строительство срубных домов (рис. 5). Однако в связи с отсутствием строевого леса на побережье колхозам пришлось сплавлять его или вывозить зимой на собаках и оленях за десятки километров, что крайне замедлило процесс замены землянок срубными домами.

В 1940—1950 годах началось слияние мелких рыболовческих артелей. При этом маленькие поселки были покинута; часть зданий колхозники перенесли на центральные усадьбы новых поселков, но это не разрешило жилищного вопроса полностью: в некоторых поселках население живет крайне скученно и еще использует отдельные землянки и юрты. В настоящее время из Хабаровского края в те районы Корякского национального округа, где отсутствует строевой лес, завозят на пароходах в разобранном виде щитовые и брусчатые дома с двойным полом, двойным потолком, тесовой крышей, тамбуром-кладовкой, с готовыми рамами и дверями. Благодаря помощи государства каждый колхозник-коряк может приобрести для себя дом. Рыбокомбинаты помогают колхозам доставлять дома с мест выгрузки до поселков. Для приобретения

этих домов колхозникам выдаются долгосрочные ссуды. При этом 75% стоимости дома оплачивается государством, 25% — владельцем-колхозником с рассрочкой на 10 лет. Массовый завод разборных домов преобразует целые поселки. В 1956 году в колхоз имени Ленина Олюторского района было завезено 20 жилых домов, школа и больница из бруса, в колхоз «Ударник» Карагинского района — 30 щитовых домов. Дома обычно однокамерные; кухня отделена от жилого помещения перегородкой или занавеской; обычно имеется кирпичная плита с обогревателем. Кирпич колхозы изготовляют сами. Потолки и стены изнутри штукатурят и белят местной светлой глиной или известкой из пережженных ракушек. В домах еще часто встречаются нары, пристенные столы на двух ножках, но появляются покупные железные кровати, кровати-раскладушки, а также топчаны, обычные столы и табуреты собственного изготовления. Однако мебели еще мало, так как в северных и прибрежных районах Корякского национального округа нет леса, пригодного для изготовления мебели⁶.

Вошла в употребление покупная утварь: кастрюли, чайники, чайная посуда, ведра, корыта, стиральные доски, тазы. Широко применяются швейные машины. В некоторых домах можно встретить патефоны, часы-будильники, репродукторы, зеркала в рамах, матерчатые коврики над кроватями, вышитые салфетки, тюлевые занавески на окнах; стены украшены плакатами, картинами из журналов (рис. 3).

Многие семьи коряков переносят в новые дома привычную обстановку землянки или яранги: устилают пол шкурами, едят, сидя на полу за низким столиком. На полу на шкурах женщины стряпают, шьют, кроят одежду. Старики предпочитают спать на шкурах, на полу. Летом большая часть прибрежных поселков пустеет. Бригады рыбаков выезжают на промышленный лов, члены их семей занимаются ловом рыбы по берегам рек и живут в палатках около ююль-ников (рис. 4).

Большую работу по перестройке быта провели в Карагинском и Тигильском районах женские советы. Русские женщины, члены этих советов, обучали корячек белить стены и мыть полы, квасить капусту, хранить картофель, шить одежду и т. п. И сейчас женские советы организуют кружки по приготовлению вкусной пищи, кружки кройки и шитья, следят вместе с фельдшерами и врачами за санитарным состоянием жилищ.

Значительно осложняется быт в корякских поселках трудностями доставки топлива — кедрача и тальника. Топливо вывозят на собаках, кое-где на лошадях. Это обходится крайне дорого и отнимает много времени и сил. Нарты дров зимой хватает всего на два-три дня (на одну печь). Много дров требуется школам, интернатам, больницам. Топлива часто не хватает. В связи с этим колхозы предполагают использовать на вывозке дров тракторы и заменить ими собак, что удешевит топливо и позволит высвободить значительное число трудоспособных колхозников, занятых на заготовке и доставке топлива, для других работ.

Своеобразно разрешил топливную проблему колхоз им. Ленина Олюторского района, организовав разработку местных залежей каменного угля. Зимой колхоз выделяет специальную бригаду горняков, которая обеспечивает колхозный поселок углем, причем часть угля остается на продажу. В Олюторском районе колхозники используют также уголь, выбрасываемый морским прибоем.

Объединение распыленных хозяйств оленеводов потребовало создания поселков-хозяйственных баз. После коллективизации в тундре Корякского национального округа возникли совхозные и колхозные поселки. Так, например, центр Пенжинского оленеводческого совхоза — пос. Славутное. Здесь помещается управленческий аппарат совхоза, сельсовет, мастерские, амбары, магазин, семилетняя школа, интернат, больница, клуб, почта, электростанция, дома рабочих и служащих. Центр оленеводческого колхоза им. Жданова — пос. Белоголовое возник в 1939 г. Здесь находится правление колхоза, сельсовет, небольшая молочная ферма с кормозапарником, склады, начальная школа, интернат, фельдшерский пункт, магазин, клуб, почтовое отделение, сорок срубных домов; от старого остались одна яранга и три землянки.

Рис. 5. Выделка оленьей шкуры (пос. Лесная Тигильского р-на)

⁶ Во избежание излишних перевозок крупногабаритной мебели, в северные районы округа следует завозить складную или разборную мебель из алюминиевых трубок.

Обобществление оленей, создание крупных колхозных оленеводческих ферм освободили значительное количество рабочих рук. Многие семьи оленеводов перешли к рыболовству, охоте и стали оседлыми; но значительная часть населения, занятого непосредственно оленеводством, вынуждена кочевать. Олени стада находятся в постоянном движении, и, в зависимости от времени года и пастбищ, бригады пастухов перекочевывают через каждые два-три дня, неделю или месяц. Олени стада обычно кочуют в десятках, а иногда и в сотнях километров от поселка. Поэтому производственное кочевание оленеводов в условиях Корякского национального округа неотделимо от бытового. Пастухи кочуют вместе со своими семьями; женщины, члены семьи пастуха, не только помогают при перекочевках, но и обслуживают пастуха: шьют, чинят и сушат его одежду, готовят пищу. Значительная часть рабочего времени женщин уходит на выделку шкур и пошив меховой одежды. Шкуры выделяются очень тща-

Рис. 6. Яранга с окном (пос. Белоголовое Тигильского р-на)

тельно, хотя при обработке применяют лишь железные и каменные скребки. Следует отметить, что именно ручная выделка шкур отрывает женщин-корячек от общественного производства (рис. 5). На очереди таким образом вопрос о создании колхозных кустарных мастерских, о механизации обработки оленьих шкур и камусов. Следует отметить, что не только в отдельных областях материального производства, но и в быту коряков-олeneводоов сохраняется много традиционных черт. Мужчины стригут волосы, но оставляют на темени клочок волос, который заплетают в две косички, или остригают голову, оставляя на темени кольцо волос. Многие мужчины носят серьги в виде ниток, унизанных бисером. В некоторых группах коряков-олeneводоов, близких к чукчам (асовеемские коряки), встречаются мужчины и женщины с татуированными лицами.

В Пенжинском и Олоторском районах пастухи-олeneводоы живут в ярангах с пологами. Этот тип жилища много раз описывался в этнографической литературе⁷. В настоящее время для освещения в пологе применяют не жирники, а свечи, керосиновые фонари. Некоторой реконструкции подверглись яранги только на юге Тигильского района, где климат сравнительно мягок. В заднюю стенку полога вшивают небольшую застекленную раму. Днем покрывку яранги приподнимают над окном, и в полог проникает свет. Внутри полога устанавливают железную печурку, трубу от нее подводят к дымовому отверстию. Но эти нововведения имеют и обратную сторону — и без того небольшая полезная площадь внутри полога сокращается на одну треть, из окна дует, а от железной печки исходит чрезмерный жар (рис. 6).

В Олоторском районе некоторые коряки-олeneводоы живут зимой в палатках с вертикальными стенами, железной печью и овальной двускатной крышей из оленьих шкур. Остов палатки составляют треноги из жердей, поддерживающие три продольных жерди. Но полезная площадь таких палаток невелика, температура в них резко колеблется и население справедливо считает, что они менее удобны по сравнению с ярангой. Летом пастухи-олeneводоы переходят в матерчатые двускатные палатки с железной печью. Иногда такие палатки используют в зимнее время дежурные пастухи на пастбищах.

Яранги с пологами и палатки не удовлетворяют современных коряков-олeneводоов. Примитивное жилище не позволяет им перестроить свой домашний быт. Необходимо

⁷ W. Jochelson, Указ. раб., стр. 447—468.

разработать такие формы передвижных жилищ, которые отвечали бы следующим требованиям: это жилище должно иметь пол, окна, стены, сквозь которые не проникает ветер; на его площади должны помещаться восемь-десять кроватей (или нар), два стола, печь. Кубатура этого жилища должна позволять просушивать в нем громоздкую зимнюю меховую одежду. В то же время оно должно быть достаточно устойчивым, так как в камчатской тундре часты сильные ветры и пурги. Наконец, к жилищу оленеводы предъявляют и специфические требования: оно должно быть легким и удобным для перевозки, т. е. в разобранном виде уместиться на двух-трех нартах, а сборка и разборка его не должны отнимать более часа. Вместе с разработкой типа жилища необходимо сконструировать соответствующие отопительные и осветительные приборы, легкую разборную или складную мебель.

Основу питания коряков составляют рыба, оленьё мясо, а также покупные продукты — хлеб, сахар, масло, чай. Широко употребляют коряки юколу, сушеную икру, строганину (как здесь русские называют кусочки оленьего мороженого сырого мяса), мерзлую рыбу. В Пенжинском районе коряки собирают съедобных моллюсков, а также съедобные дикорастущие — сарану, кипрей, дикий лук. В настоящее время употребляют значительно меньше, чем раньше, жир и мясо морского зверя. Такие блюда как толкуша (смесь дикорастущих с жиром и толченой рыбой) изготавливаются редко. В Тигильском и Карагинском районах в пищу береговых коряков вошли овощи, молочные продукты, говядина, крупы, соленая рыба. Однако в Пенжинском и Олюторском районах коряки-оленьеводы и некоторые группы береговых коряков, хотя и занимаются молочным животноводством и огородничеством, но овощи и молоко в основном продают.

До недавнего времени некоторые коряки, представители старшего поколения, собирали грибы-мухоморы, сушили их и употребляли в качестве наркотика. Для того чтобы опьянеть, съедали три, пять или семь мухоморов (нечетное число) или пили настой мухомора на ягодах. Многие приготавливали жевательный табак из смеси толченой махорки с золой березового наплыва.

Во всех районах округа коряки продолжают носить национальную одежду не только на промыслах, как производственную, но и частично в поселках, как быденную и праздничную. Эту одежду шьют из оленьих шкур.

Полный мужской корякский костюм носят только оленеводы и охотники Пенжинского и Олюторского районов в оленеводческих и промысловых бригадах. Его составляют двойные меховые штаны и рубаха с воротником из собачьего меха, двойная меховая кухлянка с капюшоном, матерчатая камлейка, короткие меховые унты и короткие чулки и шапка из пыжиковых лапок или камусов. Женский костюм составляют двойной комбинезон, торбаза до колен и меховые чулки, шапка, двойная кухлянка. Детей одевают на промысле и в оленеводческих бригадах в меховые комбинезоны — сшитые вместе рубаха, штаны и торбаза. Такую одежду дети дошкольного возраста нередко носят и в поселках; в школу ходят в костюмах и платьях из тканей. Взрослые также носят одежду из тканей; в поселках и летом в тундре широко используются ватные костюмы, гимнастерки, платья, покупное белье, сапоги. Зимой в поселках коряки носят меховую обувь, меховые шапки и кухлянки, украшенные бисером и привесками из нерпичьего меха. Широкое распространение в качестве праздничной нарядной одежды имеют гагагли — легкие кухлянки из летних оленьих шкур мездрой наружу. Мездру окрашивают в красный цвет. Гагагли, которые носят и женщины и мужчины, богато расшивают цветными нитками и бисером. В них исполняют национальные танцы.

В корякской одежде сохраняются и региональные различия. В Пенжинском и Олюторском районе носят короткие торбаза (плекры), в Тигильском и Карагинском — длинные, до колен и выше. Карагинские и тигильские головные уборы по покрою отличаются от пенжинских и олюторских: первые — чепчиковобразного покроя с козырьком из собачьего меха, вторые — мешкообразные с выступающими углами. По способу украшения различается также одежда пенжинских и олюторских коряков (рис. 7—10).

Рис. 7. Девушка-корячка в национальном костюме (пос. Вывенка, колхоз им. Ленина Олюторского р-на)

Много своеобразного и в духовной культуре коряков. Повсеместно в пределах округа коряки сохранили свой родной язык. По данным лингвистики, корякский язык делится на девять весьма отличных друг от друга диалектов. Почти в каждом корякском поселке имеются особенности в говоре. Оседлые пенжинские коряки плохо понимают оседлых тигильских коряков и в особенности олиторских. Хотя в пределах укрупненных колхозов объединены коряки, говорящие на разных диалектах, но эти диалекты не слились. В таких колхозах меньшинство обычно применяется к говору большинства. Так, в колхозе им. Сталина (Пенжинский район), где преобладают нымланы — береговые коряки, чавчулены — коряки-оленоводы в разговоре с ними приспособляются к их диалекту. Некоторые мелкие диалекты береговых коряков исчезают. Общий литературный корякский язык не выработался. Книги, написанные на чавчуленском диалекте, не понятны береговым корякам, и наоборот.

Рис. 8. Корякские дети в меховых комбинезонах (пос. Ветвей, Олиторского р-на)

В настоящее время многие коряки в той или иной степени владеют разговорным русским языком. В колхозе им. Сталина коряков, совершенно не знающих русского языка, оказалось 83 из 310, в Окланском оленинском из 48 человек — шесть. Как правило, береговые коряки лучше знают русский язык, так как чаще общаются с русскими, чем коряки-оленоводы. Хорошо владеют русским языком тигильские и карагинские коряки. Все делопроизводство в корякских колхозах ведется на русском языке.

В связи с резкими диалектальными различиями оказалось невозможным ввести преподавание в корякских школах на родном языке, хотя такие попытки делались. Учебники для корякских школ, подготовленные отдельными лингвистами, оказались пригодными только для тех мест, где население владеет именно тем диалектом, который был принят как основной авторами учебника. Таким образом, для обеспечения нормального преподавания на корякском языке во всех школах округа пришлось бы разрабатывать девять параллельных учебников по всем предметам на разных корякских диалектах. При малочисленности коряков такая задача неоправдана. Окружные организации, учитывая это обстоятельство, а также трудность перехода на русский язык после обучения в начальной школе на родном языке и распространение среди коряков русского языка, перевели преподавание в корякских школах на русский язык — после обсуждения этого вопроса среди коряков. Так как дети коряков при поступлении в школу недостаточно владеют русским языком, а некоторые и совсем не знают его, в Корякском национальном округе в национальных школах введены подготовительные «нолевые» классы, где дети изучают в играх, беседах разговорный русский язык. К сожалению, программы нолевых классов разработаны недостаточно и во многих школах преподаватели не знают корякского языка. В настоящее время в национальных колхозах предполагается открыть детские сады. В течение двух-трех лет, общаясь с русскими детьми и воспитателями, корякские дети к поступлению в школу вполне смогут овладеть русским языком.

При большинстве национальных школ в Корякском национальном округе устроены интернаты. Здесь живут на полном государственном обеспечении дети пастухов-оленинских и охотников, вынужденных кочевать, а в интернатах при семилетних и средних школах — дети из поселков, где существуют только начальные школы. На летние

и зимние каникулы дети уезжают к родителям в бригады; старшие школьники в каникулы участвуют в колхозном производстве.

Ряд учебных заведений готовит национальные кадры для Корякского округа. В Палане работает двухгодичная школа подготовки сельскохозяйственных кадров. Учителей и фельдшеров из коряков и эвенов готовят Петропавловское педагогическое училище и Петропавловская медицинская школа. За пределами области коряки учатся в Хабаровском педагогическом институте, Хабаровском медицинском институте, в Ленинградском педагогическом институте. Во всех этих институтах имеются подготовительные отделения.

В округе существует разветвленная сеть медицинских учреждений: во всех колхозах имеются фельдшерские пункты, а в крупных колхозных и совхозных поселках — больницы. Хотя недоверие к медицине у коряков в настоящее время исчезло, все же многие корячки в северных районах округа предпочитают рожать дома, а не в больнице.

Большую работу проводят в Корякском национальном округе культурно-просветительные учреждения. В поселках работают клубы, избы-читальни или библиотеки, демонстрируются кинофильмы.

Для культурного обслуживания оленеводов в округе созданы красные яранги. В штат яранги входят: заведующий-массовик, киномеханик, учитель-библиотекарь, фельдшер. Развиваются и корякские национальные формы искусства. Бытуют сказки, рассказы. Интересно отметить, что повсеместно распространены легенды с юмористическим оттенком о Куйкеняку (вороне-человеке), его жене Митэ, его сыне Амакуте и племяннике Сис-ине. Особенно популярна легенда о том, как Куйкеняку подшутил над духом Западного ветра и тот неудачно пытался отомстить его сыну.

Повсеместно распространены и пользуются большой любовью корякские подражательные танцы (танец нерпы, чайки, куропатки, оленя). В Тигильском районе танец нерпы коряки называют эвенским термином «нборгале». Танцуют в одиночку или группами под аккомпанемент бубна и припев окружающих. Бубен превратился у коряков в обычный музыкальный инструмент; употребляется и варган. Изумительное мастерство коряков-танцоров — участников областного смотра художественной самодеятельности — запечатлено в кинофильме «Народные таланты Камчатки».

Широкое распространение имеют в округе корякские национальные формы спорта. В оленеводческих бригадах устраиваются бега на оленях на дистанции от 10 до 40 км. В дни праздников устраиваются и в поселках соревнования собачьих и оленьих упряжек, а также бег с хачимами (посохами), борьба. Не забыт и такой вид спорта, как подбрасывание на шкуру. Участники игры берут две сшитые вместе лахтачи шкуры, оплетенные веревкой, на шкуру становится один из участников, которого подбрасывают вверх; он должен встать на шкуру, а не упасть.

В результате улучшения бытовых условий жизни коряков-олeneводов, под влиянием большой разъяснительной работы, совершенно вышел из употребления обычай добровольной смерти стариков. У береговых коряков этот обычай исчез еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Стали исчезать уже в 1920-х годов и отработка за жену и связанный с ней обычай «хватаения невесты».

В прошлом коряки не спасали утопающих, опасаясь разгневать духов; в настоящее время этот обычай исчез. Отпал запрет убивать волка (считалось, что потомки волка будут мстить). В Пенжинском, Олюторском и Тигильском районах сохраняется как среди оленеводов, так и среди береговых коряков обычай трупосожжения. Коряки, предки которых были крещены, хоронят умерших в земле.

Корякские промысловые праздники, так же как и связанная с ними обрядность, в значительной степени ушли в прошлое, а в ряде случаев слились с советскими. В декабре в Олюторском, Карагинском и Тигильском районах теперь отмечают Новый год, устраивают елку; к этим торжествам в некоторых семьях присоединяется «праздник нерпы». В колхозе им. Кирова Тигильского района (основное население — коряки-олeneводы) праздник «первого теленка» передвинут несколько вперед и празднуется вместе с Днем Советской армии, 23 февраля.

Рис.9. Корячка — участница художественной самодеятельности в национальном костюме

Чрезвычайно расширились представления коряков об окружающем мире. В этом отношении большую роль сыграли не только школы, кино, книги, но и поездки за пределы округа. В 1956 г. группа из 20 коряков — передовиков производства, оленеводов, охотников, рыбаков, животноводов — посетила Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москве. Ежегодно коряки, участники художественной самодеятельности, выезжают в Петропавловск-на-Камчатке на областной смотр художественной самодеятельности. Каждый год коряцкие рыболовецкие артели направляют своих членов, нуждающихся в лечении, на южные курорты.

* *
*

В Пенжинском, Олюторском и Тигильском районах Корякского национального округа встречаются небольшие группы эвенов. Сами себя камчатские эвены называют орочами, а камчадалы и ительмены называют их ламутами. Камчатские эвены в

Рис. 10. Коряк-оленеvod в национальном костюме (пос. Хаилино Олюторского р-на)

прошлом входили в 1-й и 2-й Долганский, 1-й и 2-й Уяганский и Дельянский (север Пенжинского района) административные роды. Себя эвены считают пришлым населением на Камчатке, но не помнят, откуда переселились их предки. Просмотр архивных материалов в Центральном государственном архиве Якутской АССР показал, что отдельные группы эвенов переселились на Камчатку из Якутии в середине прошлого века. Так, в 1861 г. военный губернатор Приморской области сообщал в Якутск: «При проверке и пересоставлении мною ревизских сказок по 10 переписи о камчатских инородцах, оказались нигде не численными, зашедшие сюда с давних времен ламуты Колымского округа, которые даже не знают, к какому роду колымских ламутов они принадлежат»⁸.

На запрос из Якутска нижнеколымский частный командир ответил, что эти ламуты, как выяснилось при проверке списков, принадлежат к ламутскому нижнеколымскому роду старосты Саввы Балаганчикова и что за ушедших этот род платит ясак⁹.

В настоящее время в Пенжинском районе эвены сосредоточены в колхозе «Полярная звезда» (р. Аянка), в Окланском и Пенжинском оленеводческих совхозах (рр. Оклан и Славутное); в Олюторском районе эвены живут в Хаинском сельсовете (Корфский оленсовхоз), в Тигильском районе эвены входят в коряцкие колхозы «Пролетарий» (р. Палана) и им. Кирова (р. Седанка).

До коллективизации эвены, кочевавшие в верховьях Оклана, Пенжины и по восточным склонам Камчатского хребта, охотились на диких оленей. Хороший охотник добывал 50 диких оленей в год. Эвены, кочевавшие в верховьях рек Паланы и Лесной, охотились на горных баранов. Летом и осенью мясо диких оленей и горных баранов вялили. Подсобное значение имела для эвенов пушная охота. Пушнину добывали для уплаты ясак, приобретения пороха и дрови, чая и табака. За товарами ездили на ярмарки в Гижигу и Марково. На оленях эвены ездили только верхом, а вещи перевозили выюком. На летний период эвены объединяли оленей, принадлежавших 5—10 хозяйствам, и поочередно их караулили, а все остальное население занималось рыболовством. Рыбачили в низовьях рек Оклана, Пенжины, Пахачи, Алуки. Рыбу ловили небольшими неводами и мордами (уки), били особыми острогами (эльге) и ловили удочками (чанит). Летом из рыбы изготавливали юколу (хам), осенью выловленную рыбу замораживали. Большинство эвенских хозяйств владело всего 10—15 оленями, необходимыми для перекочевков. Наиболее обеспеченные охотники-эвены имели до 30 оленей. Крупные стада до двух-трех тысяч оленей имели лишь несколько богачей. Эвены-бедняки батрачили у коряцких кулаков-олeneвoдoв.

В качестве жилья эвены использовали своеобразный легкий коническо-цилиндрический чум (чуора дье), нечто среднее между ярангой и чумом. В своих жилищах эвены пологов не употребляли.

⁸ Центральный государственный архив Якутской АССР, фонд 11, дело 1683, листы 26—30.

⁹ Там же, л. 42.

11. Эвены в национальных костюмах (пос. Хаилино Олюторского р-на): а — мужской костюм; б — женский костюм

Национальный костюм эвенов — нагрудник, кафтан с несходящимися полами — в суровых условиях Камчатки (частые ветры, пурги) оказался неудобным (рис. 11). Еще до Великой Октябрьской социалистической революции мужчины стали носить зимой корякские кухлянки, корякские меховые штаны и корякские торбазы. Как в хозяйстве, материальной культуре, так и в обычаях камчатские эвены сохраняли много особенностей.

Камчатские эвены строго соблюдали обычай экзогамии. Мужчины из рода Долган женились на женщинах из рода Уяган, и наоборот. Опрос, произведенный в поселке Оклан (Пенжинский район), показал, что все браки среди эвенов старшего поколения были экзогамны. За жену платили выкуп (тори), а бедняки, как и коряки, работали за жену несколько лет в хозяйстве тестя.

После коллективизации эвены перешли от охоты к более выгодному занятию — оленеводству мясо-шкурного направления. Мясная охота отступила на второй план по сравнению с товарной пушной охотой. Эвены добывают соболей, лисиц, горностаев, белок. При этом они объезжают ловушки не на оленях, а на собаках. В настоящее время большая часть эвенских хозяйств занята в оленеводстве; в связи с этим в промышленном рыболовстве они не участвуют. Рыбу ловят лишь для собственных нужд. Многие эвены работают в оленеводческих совхозах Пенжинского и Олюторского районов. Здесь совместно с эвенками трудятся коряки и русские. Примером может служить Окланский оленеводческий совхоз Пенжинского района. По данным Окланского сельсовета, здесь живут 64 семьи. Из них 30 эвенских, 12 корякских, 5 смешанных эвено-корякских и 17 русских. Коряки заняты в оленеводстве, эвены также работают в качестве пастухов оленей, но некоторые приобрели специальность и стали плотниками, столярами, животноводами и постоянно живут в поселке Оклан. Русские заняты в административно-хозяйственном аппарате (зоотехники, ветеринары, бухгалтеры), участвуют в строительных и подсобных работах. Оленеводческие бригады в этом совхозе строятся обычно по национальному признаку, хотя бывают и смешанные эвено-корякские бригады. В настоящее время участились браки между коряками и эвенками, в прошлом крайне редкие.

Все эвены в быту пользуются родным языком, в то же время большинство взрослых владеет в той или иной степени корякским языком или русским. Взрослых эвенов в совхозе можно разделить в языковом отношении на следующие группы: эвенским, русским и корякским языками владеют 11 человек, эвенским и русским — 40, эвенским и корякским — 35, только эвенским — четыре человека. Таким образом, большинство эвенов двуязычно. Явление двуязычия свойственно и корякам: в этом же совхозе корякским, эвенским и русским языками владеет один человек, корякским и русским — 17 человек, корякским и эвенским — два, только корякским — шесть. Двуязычие и смешанные браки свидетельствуют о том, что окланские эвены, обособленные в прошлом, сближаются со своими соседями-коряками.

Сближение сказалось и в материальной культуре эвенов. Эвены-олeneводы в настоящее время используют не чумы, а яранги. Эвенский мужской костюм окончательно вытеснила более удобная корякская мужская одежда. Женская эвенская одежда как праздничная будет главным образом в поселках. Бытуют эвенские шапки чепчиковообразной формы.

Изменился быт эвенов. Ушли в прошлое свадебные обычаи, связанные с выплатой калыма, исчезли ранние браки. Не соблюдается обычай экзогамии. О бывших родах напоминают лишь фамилии эвенов. В 1930-х годах эвены Пенжинского и Олюторского районов избрали себе фамилии по названию своего рода; в связи с этим большинство эвенов носят фамилии Долган и Уяган. В Тигильском районе эвены носят русские фамилии (Коярковы, Солдяковы).

В поселках эвены живут в срубных домах, носят в летнее время фабричную одежду и обувь. Широкое распространение среди них получили ватные костюмы. В то же время в новые дома эвены, как и коряки, нередко переносят привычную обстановку из чума. Детей зимой одевают в меховые комбинезоны. В поселках эвенов Оклан, Аянка, Ханлино в настоящее время выстроены больницы, школы, в которых дети эвенов обучаются совместно с детьми коряков.

* * *

Своеобразную этническую группу представляют в Корякском национальном округе ительмены. В настоящее время ительмены живут на юге Тигильского района в поселках Тигиль, Напана, Утхолок, Кавран, Харюзово, Морощенное и Сопочное. Во всех этих поселках совместно с ительменами живут так называемые «камчадалы» — русские старожилы, а также приезжие русские и отдельные семьи коряков. В связи с укрупнением колхозов ительменские поселки Аманино, Седанка-оседлая оставлены, ительмены переехали в поселок Тигиль — центр укрупненного колхоза «Ленинский путь».

За годы советской власти в хозяйстве ительменов произошли большие сдвиги. В связи с этим мы остановимся на некоторых подробностях их хозяйственной деятельности до Великой Октябрьской социалистической революции. Еще накануне коллективизации основной отраслью хозяйства ительменов было рыболовство. После очистки верховьев рек ото льда ставили на гольца заездки с мордами из тальника или из дели (чиручи). Ловцы поднимались выше заездов на несколько километров и, про-

извода шум, гнали гольца вниз по реке, причем часть рыбы попадала в морды. Такой лов продолжался несколько дней. В июне ительмены объединялись по два-три хозяйства и разезжались по рыболовным пескам, где жили в шалахах из тальника, крытых соломой. Здесь неводами ловили чавычу. Улов вывозили на батах — долбленых тополевых лодках в поселок. В июле все семьи съезжались в поселок и общими усилиями «запирали реку», т. е. строили плотину из тальника, а в специальных проходах укрепляли несколько десятков морд. Таким образом ловили проходную рыбу лососевых пород (кету, горбушу, чавычу), направлявшуюся к нерестилищам. В сентябре запор разбирали.

Первый улов делили поровну между всеми хозяйствами. Когда же шла «густая рыба», каждый пользовался только той добычей, которая попадала в его ловушку. Выловленную рыбу вывозили на батах на берег и обрабатывали на юколу — пластали и сушили на вешалах. Отдельно сушили икру. С появлением мух заготовку юколы прекращали. Остальной улов заквашивали, для этого рыбу укладывали в ямы. На одно хозяйство из пяти человек с упряжкой собак запасали до четырех тысяч штук юкол и до трех тысяч штук «кислой рыбы».

Поздней осенью перед рекоставом опять устраивали заездки на гольца, выловленную рыбу замораживали. Рыболовные сети, неводную дель, обметы на соболя ительмены плели из крапивных волокон. Осенью для этого собирали и сушили крапиву.

Ительмены, имевшие рогатый скот, начинали запасать сено с половины августа и косили до конца сентября. В отдельных хозяйствах имелись и лошади, но использовали их крайне редко, и то только летом и осенью. Саней ительмены не знали, сено, дрова подвозили на собаках. В XIX в. в отдельных ительменских поселках появились огороды. Земледелием занимались главным образом женщины. В сентябре — октябре многие семьи ительменов отправлялись на морское побережье для охоты на нерпу. Обычно они поселялись в устьях рек, в небольших землянках, в 2—3 км от лежбищ. Нерп были палками, отрезав им путь с лежбища к воде; на лахтах охотились с ружьями, их убивали на плавающих льдах и на байдаре буксировали к берегу. В некоторых местах в воде у берега ставили на морского зверя сети высотой около двух метров с ячеями крупного размера. Нерпичий жир ительмены употребляли в пищу сами, подкармливали им и собак; нерпичьи шкуры шли на одежду, ремни. На нерпичий жир и шкуры ительмены выменивали у коряков-оленов оленье мясо и шкуры (одна нерпа оценивалась в два-три оленя).

В декабре — феврале охотились на соболей и лисиц. Пушнина шла на уплату ясака и приобретение табака, чая, дешевых тканей. Ительмены занимались и собирательством: летом женщины заготавливали в больших количествах сарану, кипрей, ягоды, в сентябре разыскивали и разрывали мышиные норы с запасами корней. Некоторые селения ительменов летом высылали общественную байдари с двумя-тремя охотниками для сбора яиц на небольшие острова. Яйца делили между всеми хозяйствами, а сборщиков яиц обеспечивали всем обществом рыбой.

В настоящее время ведущими отраслями производства большей части ительменских колхозов стали огородничество и молочное животноводство. Подсобной, но весьма доходной отраслью является охота на соболя. Лов рыбы производится только для собственного потребления. Исключением является ительменская рыболовецкая артель им. Сталина (пос. Харюзозо). Рыболовство — основная отрасль хозяйства этого колхоза. Члены артели им. Сталина ежегодно выезжают на промышленный лов рыбы. Кроме того, ведут экспедиционный лов краба в море. В настоящее время ительмены отказались от хищнического способа лова рыбы путем перегораживания рек. Вышли из употребления сети из крапивных волокон. Юкола и кислая рыба заготавливаются в крайне ограниченных размерах. Значительная часть улова засаливается. Крайне дорого стоящий собачий транспорт в ительменских колхозах содержит только для охоты; в настоящее время он вытесняется конным.

Большие перемены произошли в домашней обстановке ительменов. На смену ветхим избушкам приходят типовые срубные дома с крашеными полами и рамами, с тамбурами-кладовками. Такие дома имеются, однако, еще не у всех колхозников-ительменов. Ительменские колхозы ведут большое строительство, в связи с этим большой спрос предъявляется ими на стекло, гвозди, краски. Внутри дома штукатурят и белят стены местной глиной. Русские печи в большинстве ительменских домов заменены плитой с обогревателем. В домах у некоторых ительменов еще встречаются нары, пристенные столы на двух ножках, люльки, подвешенные к потолку, но новая мебель уже входит в быт ительменов. Широко распространенные в прошлом посуда и утварь из дерева и бересты вытеснены фабричной: эмалированной, алюминиевой.

Большие изменения претерпели ительменские поселки. В них появились улицы, типовые дома. В ительменском колхозе «Красный партизан» (пос. Напана) выстроены электростанция, клуб, медпункт, баня, начальная школа, почтовое отделение, магазин. Поселок радиофицирован. В колхозе «Красный партизан» имеются мастерская, моторная лодка, циркулярная пила, сенокосилки, конные грабли, на ферме — кормозапарник и сепараторы. В 1956 г. этот колхоз выдал на трудодень 32 руб. 30 коп. деньгами и на 3 руб. 30 коп. продуктов. Отдельные колхозники после вычета всех авансов получили по 12—18 тыс. рублей.

Обыденной одеждой служат покупные готовые костюмы, платья. На промысле при зимних поездках ительмены надевают кухлянки, меховые штаны, торбазы, рукавицы и шапки корякского покроя.

Процесс сближения ительменов с русскими начался, как известно, в XVIII в. В настоящее время все ительмены двуязычны. Вторым родным языком для них является русский. В пос. Напана молодежь владеет ительменским языком настолько слабо, что обычно отвечает старикам, обращающимся к ним по-ительменски, на русском языке. В поселках Харюзово, Тигиль, Утхолок ительмены лучше сохранили родной язык, но и здесь дети часто владеют только русским языком. На русском языке ведется преподавание в ительменских школах.

Несмотря на то, что ительмены в значительной степени обрусели, в их фольклоре сохраняются некоторые самобытные черты. Так, еще бытуют легенды о Кутхе (Куйхеняху, или Кытыхе). В одних легендах этот герой, согласно древней ительменской традиции, рисуется как хитрый ворон-человек, обманывающий своих домашних, в других (возникших, очевидно, под влиянием русских сказок) он принимает образ придурковатого повелителя сказочной страны. В Харюзове нам удалось записать легенду, где Кутха (Кытых) представляется в виде хозяина тундры — маленького человека, богатого соболями, разъезжающего на нарте, в которую запряжены куропатки.

Своим национальным танцем ительмены считают танец «Желтенький песочек»; танцуют его парами, обмахиваясь платочками, затем участники становятся в круг, а пара в кухлянках исполняет своеобразный танец, приседая, изгибаясь, жестикулируя руками.

К ительменам по образу жизни и культуре очень близки русские старожилы — камчадалы. На Камчатке они составляют особую этническую группу, но большая часть их живет за пределами Корякского национального округа. В самом округе они сосредоточены в колхозе «Ленинский путь» (пос. Тигиль). В говоре камчадалов сохраняется цоканье. Хозяйство их мало отличается от хозяйства ительменов.

* * *

Наблюдения, сделанные в Корякском национальном округе, показывают, что в жизни и культуре всех этнических групп, составляющих население округа, за советский период произошли большие изменения: сблизились между собой типы хозяйства, сближаются отдельные, обособленные в прошлом, этнические группы, видоизменяется их материальная и духовная культура. Все народы Корякского национального округа за советский период прошли большой путь в своем экономическом и культурном развитии.